

ИДЕНТИЧНОСТЬ В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ МИРОПОРЯДКА: ДИСКУРСЫ И НАРРАТИВЫ

© ПРОХОРЕНКО И.Л. (СОСТАВЛЕНИЕ), 2023

Прохоренко И.Л. (составление). Идентичность в условиях трансформации миропорядка: дискурсы и нарративы. *Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН*, 2023, № 4, сс. 67-84. DOI: 10.20542/afij-2023-4-67-84

DOI: 10.20542/afij-2023-4-67-84

EDN: DULMNHK

УДК: 323+327+329+30

Обзор поступил в редакцию 06.12.2023.

Принят редакцией 13.12.2023.

Принят к публикации 25.12.2023.

2 декабря 2023 г. в Российском университете дружбы народов им. Патриса Лумумбы в рамках Всероссийской конференции с международным участием “Политическая наука в меняющемся мире: новые практики и теоретический поиск” Российской ассоциации политической науки (РАПН) состоялся круглый стол “Идентичность в условиях трансформации миропорядка: дискурсы и нарративы”. Мероприятие было организовано Исследовательским комитетом РАПН по политической идентичности. Модератором круглого стола выступила И.С. Семененко, член-корр. РАН, д.полит.н., зам. директора ИМЭМО РАН по научной работе, руководитель Центра сравнительных социально-экономических и политических исследований ИМЭМО РАН, координатор Исследовательского комитета РАПН по политической идентичности, научный руководитель Сети по исследованию идентичности; соведущим – Л.А. Фадеева, д.и.н., проф. кафедры политических наук Пермского государственного национального исследовательского университета. Были проанализированы ключевые направления, проблемы и достижения идентитарных исследований в России и в зарубежном научном поле, новые дискурсы и нарративы в политической науке и в публичной политике, актуальные прежде всего для России. Обсуждение было сфокусировано на проблематике политической идентичности и политики идентичности в контексте формирования полицентричного мира, идентитарном измерении дискурсов архаизации, неотрадиционализма, “балканизации”, проявлениях конфликта идентичностей, секьюритизации идентичности, этнополитической конфликтности. Докладчиками выступили И.С. Семененко; Л.А. Фадеева; сотрудники сектора анализа политических изменений и идентичности отдела сравнительных политических исследований Центра сравнительных социально-экономических и политических исследований ИМЭМО РАН В.И. Лапкин, к.хим.н., в.н.с., А.К. Камкин, к.философ.н., с.н.с., Т.И. Попадьева, к.полит.н., н.с., Т.И. Хайнацкая, м.н.с.; сотрудники сектора международных организаций и глобального политического регулирования отдела международно-политических проблем ИМЭМО РАН И.Л. Прохоренко, д.полит.н., зав. сектором, М.А. Шпак, ст. лаборант-исследователь; сотрудники кафедры государственной политики и государственного управления Кубанского государственного университета (Краснодар) Е.В. Морозова, д.философ.н., профессор, И.С. Башмаков, к.полит.н., доцент; С.К. Калашникова, аспирант СПбГУ, м.н.с. Центра междисциплинарных исследований ИНИОН РАН; М.Я. Погодина, стажер-исследователь СПбГУ, м.н.с. Центра междисциплинарных исследований ИНИОН РАН; А.П. Романова, д.философ.н., профессор, директор Научно-исследовательского центра исследования проблем Юга России и Прикаспия Астраханского государственного университета имени В.Н. Татищева (Астрахань); Л.В. Сагитова, д.полит.н., в.н.с. отдела этнологических исследований Института истории имени Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (Казань); О.Л. Саркисян, к.философ.н., доцент, зав. кафедрой политологии Института права и политики

Российско-Армянского университета (Республика Армения, Ереван). Обзор материалов круглого стола подготовлен д.полит.н., зав. сектором международных организаций и глобального политического регулирования отдела международно-политических проблем ИМЭМО РАН И.Л. Прохоренко (irinapr@imemo.ru, ORCID: 0000-0002-8090-7934).

Ключевые слова: политическая идентичность, политика идентичности, конфликт идентичностей, научный дискурс, политический нарратив, дискурс архаизации, неотрадиционализм, секьюритизация идентичности, колониальный дискурс, "балканизация", этнополитическая конфликтность, эколого-политические дискурсы, экологическая идентичность, политическое пространство, метафоры в политической науке.

IDENTITY IN THE TIME OF WORLD ORDER TRANSFORMATION: DISCOURSES AND NARRATIVES

Received 06.12.2023. Revised 13.12.2023. Accepted 25.12.2023.

A roundtable titled 'Identity in the Time of World Order Transformation: Discourses and Narratives' was held on the 2nd of December 2023, at the Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia. It was a part of the All-Russian conference with international participation 'Political Science in a Changing World: New Practices and Theoretical Research' organized by the Russian Political Science Association (RPSA). At RPSA, the event was arranged by the Research Committee on political identity. The roundtable moderator was Semenenko I.S., Corresponding Member of the RAS, Doct. Sci. (Polit. Sci.), Head of Centre for Comparative Socioeconomic and Political Studies, Deputy Director for Scientific Work of IMEMO, RAS, RPSA Research Committee on political identity coordinator, supervisor of Identity Research Network; the co-moderator was Fadeeva L.A., Doct. Sci. (Polit. Sci.), Professor, Department of Political Science, Perm State University. The key trends, problems and achievements regarding identity studies in Russia and abroad, new discourses and narratives in political science and public policy, especially ones relevant to Russia, were analyzed. The discussion focused on the problems of political identity and identity politics in terms of a forming polycentric world, identity dimension of archaization discourses, neotraditionalism, Balkanization, manifesting identity conflicts, identity securitization and ethnopolitical conflicts. The speakers were as follows: Semenenko I.S.; Fadeeva L.A.; staff members of Sector for Analysis of Political Change and Identity, Department for Comparative Political Studies, Centre for Comparative Socioeconomic and Political Studies, IMEMO – Cand. Sci. (Chem.), Leading Researcher Lapkin V.V., Doct. Sci. (Philos.), Senior Researcher Kamkin A.K., Cand. Sci. (Polit. Sci.), Researcher Popadeva T.I., Junior Researcher Khaynatskaya T.I.; staff of Sector for International Organizations and Global Political Governance, Department for International Political Problems, IMEMO – Doct. Sci. (Polit.), Head of the Sector Prokhorenko I.L., Senior Research Assistant Shpak M.A.; staff of Department of Public Policy and Public Administration, Kuban State University (Krasnodar) – Doct. Sci. (Philos.), Professor Morozova E.V., Cand. Sci. (Polit. Sci.), Associate Professor Bashmakov I.S.; Kalashnikova S.K., postgraduate student St Petersburg University, Junior Researcher, Center for Science, Education and Information Programs, INION RAN; Pogodina M.Ya., Research Assistant, Faculty of Political Science, St Petersburg University, Junior Researcher, Center for Science, Education and Information Programs, INION RAN; Romanova A.H., Doct. Sci. (Philos.), Director of Institute for Research on the Problems of the South of Russia and the Caspian Sea, Astrakhan State University named after V.N. Tatishchev (Astrakhan); Sagitova L.V., Doct. Sci. (Polit. Sci.), Leading Researcher, Department of Ethnology, Sh. Marjani Institute of History, Tatarstan Academy of Sciences (Kazan); Sargsyan O.L., Cand. Sci. (Philos.), Associate Professor, Head of the Department of Political Science, Institute of Law and Politics, Russian-Armenian University (the Republic of Armenia, Yerevan). The review of the roundtable materials was compiled by Prokhorenko I.L., Doct. Sci. (Polit.), Head of the Sector for International Organizations and Global Political Governance, Department for International Political Problems, IMEMO (irinapr@imemo.ru, ORCID: 0000-0002-8090-7934).

Keywords: political identity, identity politics, identity conflict, discourse, archaization discourse, neotraditionalism, identity securitization, colonial discourse, Balkanization,

ethnopolitical conflict, ecopolitical discourse, ecological identity, political space, metaphors in political science.

Открывая круглый стол, **Ирина Станиславовна Семененко** в выступлении на тему “Идеи, идеологии, идентичности: от дискурсов к дискурсивной силе” обратила внимание на “метаморфозы идентичности” в современном научном и политическом поле. Этот концепт стал общеупотребимым не только в научной дискуссии о тенденциях общественного развития и об изменениях в структуре современного миропорядка, но и в публичной политике, и в медийном пространстве. Рубеж превращения идентичности в своего рода мейнстрим научного и политического дискурсов отмечен выходом книги Фрэнсиса Фукуямы о политике идентичности в 2018 г. [1] Однако в российском научном поле эта тенденция отмечена раньше, ее зафиксировал выход в 2017 г. энциклопедического издания “Идентичность: личность, общество, политика”, подготовленного учеными ИМЭМО РАН и коллегами из ведущих российских академических и университетских центров на основе многолетних исследований массового сознания и идентичности [2]. Истоки этих исследований – в научной школе, которой руководил выдающийся российский ученый, д.и.н. Герман Германович Дилигенский (1930–2002).

В настоящее время есть потребность в оценке состояния и основных направлений дискуссии о теоретических подходах к изучению идентичности и об основных темах, разрабатываемых российскими и зарубежными учеными, в том числе отраженных в исследованиях незападных социально-политических реалий. Изучение научных дискурсов указывает на тенденции их политизации, которые проявляются в наделении идентичности новыми содержательными коннотациями (идентизм, суверенизм, неотрадиционализм, дискредитация и дискриминация идентичности, секьюритизация идентичности). К идентичности обращаются для объяснения сдвигов в структуре современного миропорядка. Этот концепт активно используется сегодня в разработке теории международных отношений, в геополитическом и постколониальном дискурсах, он переносится из научного поля в публичную политику и оказывает ощутимое обратное влияние на формирование приоритетов научных исследований. Так, разработка повестки культурного суверенитета и культурной безопасности или цивилизационных нарративов как осевой составляющей дискурсивной силы ключевых игроков на поле мировой политики не обходятся без обращения к идентичности.

В этом контексте плодотворной является разработка концепта политики идентичности в ее широком толковании, которое предлагают российские авторы. Такая политика отнюдь не сводится к “борьбе за право на идентичность” все более многочисленных меньшинств, характеризующих реальность разделенных обществ. Она подразумевает деятельность, осуществляемую от имени государства и с участием других субъектов политического процесса по формированию гражданской (государственно-гражданской), национальной, территориальных и других форм макрополитической идентичности на ряде ключевых направлений – политики памяти, языковой и символической политики. Приоритетная сфера реализации такой политики – сфера образования. Важной практически значимой задачей является оценка идентичности как ресурса общественного развития, выявление возможностей и ограничений ресурсного потенциала политики идентичности. В этом смысле важны эмпирические исследования на локальном и региональном уровнях, позволяющие оценить этот нематериальный ресурс. Есть потребность в заполнении появляющихся понятийных лакун, связанных с приоритетами современной публичной политики, в частности, с климатической повесткой, проблемами энергоперехода и “зеленой экономики”, вызовами миграции и новыми размежеваниями в современных разделенных обществах.

Анализ дискурсов и нарративов, отражающих динамику идентичности в условиях трансформации современного миропорядка, указывает на доминирование в публичном поле негативных коннотаций, характеризующих политику идентичности – ее дискредитацию, дискриминацию, девальвацию с использованием технологий дегуманизации и подобных. Это отражается в медийном поле, где доминируют прямо или косвенно соотносящиеся с идентичностью негативные метафоры, такие как “перманентный кризис”, “культурная война”, “культура отмены”, “постправда” или

“балканизация”. Тем более актуальной становится задача продвижения нарративов, ориентированных на созидательный потенциал деятельности человека и на позитивные горизонты общественного развития. За потребностью в “этическом повороте” в поле социогуманитарного знания просматривается потребность в формировании позитивной повестки политики развития.

Эти размышления подводят итог большому исследованию, которое И.С. Семененко представила в завершение своего вступительного доклада. Коллектив ученых ИМЭМО РАН при участии исследователей ряда других ведущих научных и образовательных учреждений России подготовил в продолжение уже упомянутого энциклопедического издания публикацию “Идентичность: личность, общество, политика. Новые контуры исследовательского поля”, только что вышедшую в издательстве “Весь мир” [3]. Многие из участников круглого стола – авторы глав этой монографии, в которой рассматриваются актуальные научные дискурсы и намечены перспективы идентитарных исследований. Российские приоритеты связаны, как показал проведенный анализ, с потребностью в «осмыслении российского опыта в его парадигмальном качестве, в выявлении <...> тех его уникальных характеристик, которые обладают значимым для человечества потенциалом и которые, возможно, помогут “расколдовать” современный политический порядок, придать ему импульс к созидательному развитию» [3, с. 433]. Представленные в монографии российские ракурсы особенно значимы для формирования дискурсивной силы России на основе обращения к ресурсам идентичности, а оценка потенциала идентичности как нематериального ресурса развития имеет практическое значение для развития российских регионов и территорий, для формирования и продвижения позитивного образа будущего.

Выступления в рамках круглого стола можно разделить на несколько крупных блоков:

- 1) роль актуальных научных дискурсов (политического пространства и территории, архаизации и неотрадиционализма, секьюритизации идентичности) в осмыслении изменений в современном мире и конструировании новой политической реальности;
- 2) роль метафор в политической науке и, в частности, метафоры “балканизации”;
- 3) динамика и инструменты формирования гражданско-государственной идентичности в Российской Федерации и значимых для нее субрегионах Большой Евразии (Закавказье, Центральная Азия);
- 4) перемены в инструментарии поведения политических партий и использование ими медиадискурса (на примере европартий и национальных праворадикальных партий в Европейском союзе).

Владимир Валентинович Лапки в докладе “Политические пространства и территории как их режимные сегменты (идентитарный аспект)” представил свое понимание научных категорий политического пространства и территории в их идентитарном измерении. Понятия пространств и территорий, входя в узкий круг базовых элементов научного политологического дискурса, остаются тем не менее (как по отдельности, так в их сопряжении и различении) не вполне проясненными и используются зачастую *ad hoc*, без содержательного анализа и критической оценки их применимости к конкретному случаю. При этом для политической науки и, соответственно, для анализа политических пространств особое значение имеют два своего рода “вырожденных” состояния пространства – топос и территория. Именно они наиболее часто оказываются оформляющими паттерны идентичности. Пространственность и территориальность в политической науке могут быть атрибутированы не только к географическим артефактам земной поверхности, но и многообразным иным сферам деятельности современного социализованного индивида, таким, например, как сфера виртуального общения или сетевых транзакций коммерческого, технического, научного, политического и иного рода. Концепт пространства возникает как ментальная (идеальная) конструкция, открывающая возможности упорядочения представлений о взаимном расположении всего многообразия определенного класса объектов (отнюдь не обязательно геометрических, географических, “материальных”). Политическое пространство понимается как универсальное сомножество однородных идеализированных политических феноменов: целеориентированных сообществ, политических акторов, электората и т.п.

Современность предоставляет индивиду широкий выбор моделей самоидентификации, в том числе – по месту (типу локализации), по предпочтительному пространству (кругу и формату) общения и профессиональной деятельности и т.п. Сам образ жизни современного индивида выстраивается им как выбор сообщества (набора сообществ), с которым он готов себя отождествить (хотя бы на время или на какую-то часть своего жизненного распорядка). Пространственно окрашенные идентификации становятся основанием консолидации новых сообществ, слабо привязанных к прежним паттернам конфессии, этноса, нации, государства. В политической прагматике сложно преувеличить значение одного из “вырожденных” состояний пространства – территории. Принцип территориальности является основополагающим для всех мало-мальски значимых сообществ нового времени, не только для национальных, символизирующих этот период, но и для абсолютного большинства прочих, претендующих на значимость в современном мире. Все они стремились “во что бы то ни стало” закрепить за собою определенную территорию и легитимировать свое доминирующее или хотя бы “законное”, исторически и культурно обусловленное присутствие на ней. Территориальное членение политического пространства возможно в силу анизотропии последнего. При этом территории как отдельные сегменты политического пространства характеризуются особыми режимами, вводными и поддерживающими зоны монопольного контроля отдельных субъектов политики. Иными словами, в политике принцип территориальности предусматривает ограничение суверенной свободы пространственного перемещения и всякой деятельности, всякого общения на подконтрольной ему территории.

Свободное пространство земной поверхности было лишь первым из тех, что удалось сегментировать, вычленив из него особые территории монопольного государственного контроля (тем самым присваивая им статус несвободных). Иным ярким примером сегодня являются контролируемые основными отраслевыми супермонополиями интернет-(прото)пространства. Их переход к полноценной пространственности блокируется, что обусловлено ультрамонополизацией и выражается в политике “территориального” размежевания и раздела монополизированного рынка между немногочисленными игроками. Так что теперь, вслед за сегментацией и постановкой под контроль свободного пространства земной поверхности, с высокой вероятностью такой сегментации будут подвергнуты и эти, а также многие иные сферы социальных взаимодействий, представлявшие до того свободными, лишенными жесткого контроля и институциональных ограничений.

Лилия Варисовна Сагитова представила доклад “Дискурс архаизации в контексте процессов социальной трансформации: от цивилизационной парадигмы – к теориям среднего уровня”. Концепт архаизации в научном дискурсе отечественного обществознания получил новый импульс к осмыслению и развитию в контексте трансформации российского общества в переломных событиях XX и XXI вв. Его актуализация связана со сложностью и противоречивостью процессов социально-политических и экономических изменений в социуме, характеризующемся подвижной структурой общественных отношений и множественностью социокультурных идентичностей, имеющих своим основанием как исторически сложившиеся ценностные и поведенческие комплексы, так и поликультурность государства.

Сложность и противоречивость переломных процессов в исторической перспективе обусловили множественность подходов и оптик к изучению этого феномена представителями различных направлений социальных наук. Смысловое наполнение понятия “архаизация”, так же как и интерпретация его содержания и функций в контексте протекания эпох премодерна, модерна, постмодерна и новой цифровой реальности, остаются предметом научных дискуссий среди представителей социогуманитарного знания. Изначальное доминирование философской, культурологической и этнографической оптики в разработке понятия “архаизация” имеет следствием утвердившиеся в методологии базовые концепты “социально-культурной матрицы” и “социально-культурной системы”. В теоретических и эмпирических разработках исследователей названные концепты могут выступать: а) в качестве основания противодействия модернизации, в силу неприятия ее носителем инновационности как социальной ценности; б) в качестве адаптационной социально-психологической реакции

на общественную трансформацию и механизма выживания; в) основанием стабильности социума; г) признаком упрощения организации общества, снижения уровня сложности его основных структур и оживления первичных (архаичных) типов социальности; д) в качестве структурных компонентов тоталитарной политической системы. Соответственно, оценка социальной значимости архаизации может иметь противоположные значения: от отрицательной до положительной.

Значимость социально-политологического вектора в исследовании “архаизации” диктуется сопутствующим ей расколом, разделенностью общества, что, в свою очередь, связано с идентитарными процессами на всех уровнях его социальной структуры, в публичной политике и в повседневной жизни человека. Концепт разделенных обществ, используемый в качестве инструмента анализа актуализации “архаичного”, дает возможность сместить исследовательский фокус с макротеории к теориям среднего уровня, позволяющим выявить социальные детерминанты общественных размежеваний, их политические проекции и их влияние на режимы взаимодействий социальных акторов. Наблюдаемые в современности социальные размежевания имеют идентитарный “след” и сопряжены с разными “кластерами” идентичностей (социокультурным, политическим, национальным и этнополитическим, международно-политическим, пространственным и территориальным, социально-стратификационным и социально-ролевым) [4]. Анализ дискурса архаизации позволяет констатировать, что приведенные выше “кластеры” идентичностей проявляют себя в условиях социальной трансформации, однако идентификационные процессы в динамике диверсификации социальных размежеваний оставляют исследовательское поле открытым для изучения.

Архаизация тесно связана с идентитарными процессами на уровне личности, группы и общества, поскольку именно социокультурная система формирует идентичность личности, социальных групп и общества в целом. Изложенная выше ревизия использования концепта архаизации в социальных науках показала его неоднозначность, противоречивость и, пожалуй, самое важное для социальных исследований – сложность его применения для анализа идентификационных процессов, мотивации и поведения человека, социальных групп в условиях общественной трансформации. Обобщающие концепты и категории цивилизационного подхода имеют ограниченный потенциал для выявления многофакторной конъюнктуры социальных процессов, охватывающих мезо- и микроуровни общественного развития. Представляется, что в смещении от широких историко-цивилизационных категорий к конкретным, помогающим выявить инструментарий и механизмы формирования идентичностей, может помочь междисциплинарный подход с использованием методологии и методов политологии, социологии и психологии.

Илья Станиславович Башмаков в докладе “Неотрадиционализм как новый концепт политической науки” обратился к анализу концепта и научного дискурса неотрадиционализма. Термин “неотрадиционализм” начал использоваться в западной науке в 60–80-х годах XX в. для обозначения феномена возрождающихся в современном мире доиндустриальных традиций, а также их сохранения вопреки модернизационным процессам. Э. Хобсбаум и Т. Рейнджер в 1983 г. предложили концепцию “изобретенных традиций”, исходящую из понимания того, что многие традиции, кажущиеся старыми, часто оказываются недавнего происхождения и нередко – изобретенными [5].

В отечественных исследованиях интерес к термину “неотрадиционализм” возникает в начале 2000-х годов, прежде всего в рамках антропологии. Можно отметить работы Ламажаа Ч.К., Бочарова В.В., Попова В.А., Попкова Ю.В., Тюгашевой Е.А., Мадюковой С.А., посвященные неотрадиционализму как явлению современной этнической культуры. В рамках этнокультурного подхода неотрадиционализм описывается как духовно-практическое движение, актуализирующее потенциал традиционной культуры этноса на всех ее уровнях – от культурного ландшафта и хозяйственно-бытовой культуры до политико-правовой и духовной культуры [6, с. 17]. В работах российских антропологов подчеркивается, что неотрадиционализм – это сочетание инноваций и традиций, своеобразная реакция на кардинальные изменения модернизирующегося и глобализирующегося мира. Особенностью неотрадиционализма является его ориентация не только на прошлое, что

характерно также для явлений архаизации и традиционализма, но и на цели будущего развития.

Неотрадиционализм, таким образом, отличается от традиционализма, для него характерны большие рефлексивность и рациональность, отсутствие стремления к консервации и абсолютизации традиций, восприимчивость к инновациям, большая инклюзивность и открытость, вытеснение сакрального содержания традиций рациональным объяснением необходимости их выполнения [6, с. 108-113]. При всех достижениях антропологической школы очевидно, что феномен неотрадиционализма не ограничивается лишь воспроизводством и модернизацией этнических традиций в современном обществе, данное явление необходимо рассматривать в более широком междисциплинарном контексте, в том числе и в рамках политической науки.

Понятие политического неотрадиционализма описывает комплекс явлений, связанных с использованием, переосмыслением и обновлением традиции в современной политической практике. В результате развития политического неотрадиционализма привычные для данной политической культуры практики и институты занимают свое место и реализуются в новом политическом контексте. Политический неотрадиционализм может использоваться для решения разных задач – от сознательного и целенаправленного использования в политических процессах инструментов “изобретенных традиций” в целях легитимации власти и социальной консолидации до мобилизации общественной активности в целях социально-экономического развития. Дискуссионным остается вопрос о факторах, способствующих возникновению неотрадиционализма. Возможно, неотрадиционализм является не только реакцией на недостатки модернизации. Мотивацией при выборе таких установок может быть и стремление преобразовать традиционализм и использовать его в целях поступательного развития. Прояснения требует и вопрос о перспективах проявления стихийного неотрадиционализма “снизу” либо его применения в более рациональных стратегиях гражданского общества с целью обретения новой коллективной “неотрадиционалистской” идентичности на основе прошлых, в том числе политических традиций. Термин требует дальнейшего уточнения и теоретической концептуализации в рамках политической науки.

Любовь Александровна Фадеева в докладе “Трансформация объектов секьюритизации идентичности в научном и политическом дискурсе” остановилась на понятиях “идентичность”, “ценности”, “защита” – тесно связанных между собой и взаимозависимых элементах научного дискурса в разных исследовательских полях [7]. Если трактовать безопасность как дискурсивную практику в логике теории секьюритизации, предложенной учеными Копенгагенской школы, формирование и поддержание ориентиров коллективной идентичности предстают в качестве одной из важнейших целей политики. Концептуализация понятия идентичности вовлекла в этот научный дискурс широкий круг исследователей.

Для классической концепции секьюритизации политический дискурс создает маркеры путем заявлений об угрозе по отношению к идентичности (системе ценностей, традиций) со стороны “значимого другого/чужого” и соответственно требований применить меры для устранения этой угрозы. Конструктивисты, в свою очередь, выдвигают аргумент о том, что государства соблюдают нормы путем интернализации их в своей идентичности. Научный дискурс традиционно был сосредоточен на проблеме секьюритизации идентичности: именно идентичность (национальная, этническая, гендерная и пр.) нуждалась в защите. Интерпретация онтологической безопасности трактуется в научном дискурсе как отражение связи потребностей индивидов и сообществ в поддержании “связного повествования о самости” [8]: понятие онтологической безопасности связывает ценности, безопасность и стабильность, включает убежденность в особом предназначении своей страны, определяет миссию сообщества, присущие ему характеристики и ценности. В фокусе внимания исследователей оказывается проблема того, как “внутренние” субъекты осознают свою “внешнюю” идентичность и, наоборот, каким образом “внешние” субъекты осознают внутреннюю политику идентичности [9]. Теория международных отношений расширяет представление о политике идентичности как определенном наборе

идей о политическом сообществе, которые политики используют для мобилизации чувства сплоченности и солидарности, чтобы легитимировать общую направленность внешней политики [10]. Таким образом, секьюритизация политики идентичности понимается как определение политики идентичности в качестве объекта, которому угрожают прежде всего политические акторы, внешние и внутренние, и фактически легитимирует выстраивание внешнеполитического курса, обоснование притязаний на изменение роли в мировой политике, которое происходит за счет обращения к идентичности.

По мнению Л.А. Фадеевой, секьюритизация политики идентичности как аналитическая категория позволяет использовать понятия и подходы, наработанные в различных областях политической науки. Если во второй половине XX в. объектом секьюритизации выступали идентичности различных групп, то в современном дискурсе – научном и политическом – таковой является политика идентичности на разных ее уровнях. Так, политика идентичности для защиты меньшинств во внутривнутриполитическом контексте приобрела значимость еще и вследствие признания их статуса на международном уровне, что можно считать примером “переливания” и переформатирования смысла в процессе политизации научных дискурсов [11]. Секьюритизация такого варианта политики идентичности проявляется в переносе внутривнутриполитического дискурса по защите прав меньшинств на международный уровень и отнесении к противникам демократии и радикалам всех несогласных с политикой “коллективного Запада”. На этом фоне происходит перевод ее в разряд категорий безопасности теми государствами, которые считают необходимым защищать свою идентичность и государственную политику идентичности. Так, Россия сочла необходимым и правомерным взять на себя миссию защитника традиционных ценностей. В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации международная обстановка охарактеризована через попытки “целенаправленного размывания традиционных ценностей, искажения мировой истории, пересмотра взглядов на роль и место России в ней”¹ со стороны западных стран. Идеи и аргументы в защиту государственной политики идентичности из научного дискурса перенесены в публичный политический дискурс на уровне как документов, так и символических практик.

Выступившая с докладом «“Черное зеркало” политики идентичности» **Елена Васильевна Морозова** обратила внимание присутствующих на эвристическую роль метафоры в языке политической науки. Нередко являясь начальной стадией теоретизации новых процессов и явлений, метафора оставляет простор для множественной интерпретации, для “достраивания” смыслов, вводит в язык науки новые понятия, высвечивает еще неясно проявленные и не описанные в научных терминах реалии. “Черное зеркало”, являющееся метафорой небытия, используется автором для обобщенного обозначения практик политики идентичности, смыслом которых является обесценивание или уничтожение идентичности.

Автор определила дискредитацию идентичности как процесс обесценивания, принижения личной или коллективной идентичности, проводимый сознательно и направленный на уничтожение базовой системы ценностей, идентификационной матрицы. Были приведены примеры кампаний дискредитации идентичностей из истории как нашей страны, так и стран зарубежья. Современную “культуру отмены” также можно рассматривать как одну из форм дискредитации идентичности.

Были выделены факторы, которые могут актуализировать процесс дискредитации идентичностей как обособленно, так и в комплексе: геополитические и экономические (например, выгодное положение страны или общества, которая подвергается негативному воздействию, на перекрестке коммуникаций, обладание значительным запасом ресурсов), исторические (приоритет в освоении территорий, победы в войнах), влияние коммуникационной среды (охват населения информационными ресурсами и степень агрессивности информационного поля). В ряду технологий дискредитации идентичностей

¹ Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 г. № 400 “О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации”. Президент России. Available at: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046> (accessed 06.12.2023).

– стереотипизация, клеймение, анонимизация, дегуманизация, отмена табу. Нередко на дискредитацию работают современные технологии, используемые, к примеру, в компьютерных играх.

В отличие от дискредитации, девальвация идентичности связана с действиями непосредственных носителей идентичности, их публичным отказом от ценностей, разделяемых группой или общностью. Примером девальвации религиозной идентичности может служить кампания “раскрещивания”, получившая распространение в странах Запада. Одним из крайних результатов девальвации идентичности может стать автонегация, или “самоненависть”, то есть формирование отрицательного самопонимания, в основе которого лежит недовольство собой из-за несоответствия собственных свойств, целей, ценностей и интересов тем культурным образцам, которые маркируются позитивно.

Важно иметь в виду тот ущерб, который наносят негативные формы политики идентичности на личностном и общественном уровне. Противостоять “черным зеркалам” можно с помощью формирования на всех этапах социализации критического и рефлексивного мышления, навыков распознавания манипуляций и фейков. Принципиально важно противопоставлять лжи и клевете правду, преодолевать комплекс жертвы и стигматизацию отдельных социальных общностей на основе укорененных в массовом сознании стереотипов, сохранять в политике понимание невозможности развития без этических ориентиров и моральных норм.

Татьяна Игоревна Попадьева в докладе «“Балканизация” научного дискурса: от метафоры до конфликта идентичностей» также сфокусировалась на роли метафор в лексиконе политической науки. Сегодня политическая метафора “балканизации” активно используется не только в общественно-политическом дискурсе, где она давно “прижилась”, но и в научном поле. Хотя изначально “балканизация” описывала фрагментацию политического сообщества, находящегося в ситуации конфликта, сегодня она подразумевает любой распад целого на части. Так, с помощью “балканизации” описываются изменения в правовой системе, миграционные потоки, аспекты медицинской практики и системы образования, а также разделение глобальной сети интернет на множество локальных сетей.

В русском языке существуют и другие понятия, образованные по принципу эпонимической номинации: американизация, бразилизация, финляндизация, украинизация, европеизация, ирландизация и другие. Интересно, что некоторые из этих слов могут использоваться с нейтральным значением для обозначения распространения влияния и образа жизни конкретной страны или территории, тогда как другие слова имеют сугубо пейоративную окраску и указывают на негативные аспекты состояния общества. Например, при использовании термина “бразилизация” речь идет уже не о Бразилии, этот термин призван характеризовать глубокое социально-экономическое расслоение общества и сопровождающую его конфликтность.

В течение прошлого века термин “балканизация” использовался журналистами и экспертами-аналитиками для описания негативных последствий изменений политического порядка, связанных с углублением социальных размежеваний и этнополитической конфликтностью. При этом он прочно ассоциировался с негативным образом Балкан, особенно после распада Югославии и углубления этнических конфликтов в регионе. Сегодня процессы на Балканском полуострове используются для дискредитации идентичности балканских народов, что приводит к стереотипизации и дегуманизации коллективной балканской идентичности.

Дискриминационный дискурс “балканизации” применительно к этому региону наблюдается и в культуре, особенно в кинематографе: некоторые фильмы, посвященные распаду Югославии, демонизируют одну из сторон конфликта (“Добро пожаловать в Сараево” (США, 1997), “В краю крови и меда” (США, 2011), европейские фильмы “Ничья земля” (2001), “Куда ты идешь, Аида?” (2020), турецкий фильм “Раны моей матери” (2016), российский фильм “Балканский рубеж” (2019)). Апеллируя к культуре, “балканизация” оправдывает любое вмешательство, включая вооруженное, когда третьи страны пытаются

изменить границы того или иного региона в соответствии со своими национальными интересами.

В современной политической науке “балканизация” рассматривается как конфликт, который приводит к краху национальных государств и формированию новых политических единиц на этнической, культурной или религиозной основе, которые являются враждебными друг другу. Внутри этих стран, в условиях внутренней нестабильности, возникают конфликты идентичности, которые могут привести к дальнейшему распаду. Таким образом, современный политический дискурс трактует “балканизацию” как угрозу государственной целостности. На этой основе выстраивается политика идентичности в отношении определенных этнических, религиозных или культурных групп внутри государства, продвигаются жесткие методы борьбы с влиянием внешних “других”.

Использование метафоры “балканизации” в научных текстах ведет к политизации исследовательского инструментария, когда эмоционально окрашенный термин, неоднозначный и наделенный негативными смыслами, способствует не приращению нового объективного знания, а его “балканизации”.

Татьяна Игоревна Хайнацкая посвятила свой доклад “Влияние эколого-политических дискурсов на формирование экологической идентичности” роли дискурсов и метафор, связанных с проблемами экологии, в формировании научной и политической картин мира. Категория экологической идентичности сегодня широко используется в научных и экспертных дискуссиях для обозначения связи человека с природной средой. При этом в научном сообществе нет консенсуса относительно определений, единиц анализа и ее форм, поскольку экологическая идентичность (как и любая идентичность) не статична и имеет множество проявлений, что связано с ее сложной взаимосвязью с другими идентичностями, а также с культурно-историческими нарративами. Она непрерывно трансформируется под влиянием политических, культурных и социально-экономических факторов.

Существенное воздействие на восприятие и понимание человеком мира природы оказывают эколого-политические дискурсы. Они способствуют формированию запроса на прогрессивную экологическую политику, помогают определить наиболее важные экологические проблемы, сформулировать и выявить пути их решения, закрепляют роли субъектов в системе “природа–общество” и формируют морально-этические ориентиры. Эколого-политические дискуссии служат также средством распространения информации о состоянии окружающей среды и политико-управленческих решениях, которые продвигаются ее субъектами. В соединении с индивидуальным опытом и мировоззрением человека дискурсы могут восприниматься и интерпретироваться по-разному. Это явление обуславливает существующие различия в проявлениях экологической идентичности.

В настоящее время в политическом поле представлен спектр эколого-политических дискуссий, которые можно классифицировать с учетом их ключевых, наиболее ярко проявленных особенностей, например, на основании целевых установок, идеологических позиций или характера вовлеченности тех или иных субъектов. Так, в соответствии с приоритетами дискурсы подразделяются на эгоцентричные (глубинная экология и антирост, изменение климата) и антропоцентричные (“зеленый” рост и переход, экакапитализм, экологическая и климатическая справедливость, эконационализм, экопатриотизм, устойчивое развитие). Различаются западные и незападные дискурсы. Среди западных – экакапитализм, “зеленый” рост и переход, изменение климата, устойчивое развитие, антирост, ответственное потребление. Незападные представлены “зеленым” империализмом, эконационализмом и экопатриотизмом.

Идеологические предпочтения являются основанием для выделения глобалистских дискурсов, сосредоточенных на изменении климата, устойчивом развитии, “зеленом” росте и переходе, антиглобалистских (“зеленый” империализм, экопатриотизм, эконационализм, антирост) и “гибридных” (экологическая и климатическая справедливость, ответственное потребление и др.).

Классификация дискурсов по генерирующим их субъектам представляется наиболее обширной и сложной. Так, национальные государства, ряд влиятельных публичных политиков, экспертов и корпоративный бизнес активно продвигают борьбу с изменением климата, устойчивое развитие, “зеленый” рост. Некоммерческие организации и движения также поддерживают эти идеи, однако их направленность более экоцентрична, ввиду чего они выступают с позиций эконационализма, экопатриотизма, ответственного потребления, “глубинной экологии”, экологической справедливости и др.

Восприятие окружающего мира меняется под влиянием взглядов на приоритетность экологических проблем и пути их решения, они стали неотъемлемой частью политической повестки. В условиях политизации экологической идентичности это может привести к конфликтам с носителями противоположных убеждений и к поляризации общества. Соответствующие эколого-политические ориентации поддерживают и укрепляют сознание личной ответственности, побуждая к определенным паттернам поведения и активизма, в том числе проэкологического. Процесс формирования экоидентичности неразрывно связан с более широким социально-политическим контекстом, в котором дискурсы формируют особую систему взглядов, убеждений и принципов.

Оганес Лаврентьевич Саркисян в докладе “Карабахский фактор в контексте процесса нациестроительства в Армении” обратился к специфике и динамике государственного и нациестроительства в Республике Армения начиная с февраля 1988 г., когда началось движение за присоединение Нагорно-Карабахской автономной области (НКАО) к Армянской ССР. Последующее расширение повестки общенародного движения (кроме присоединения Карабаха требовали демократизации общественной жизни, а в дальнейшем – независимости) шло параллельно распаду СССР, а нагорно-карабахское противостояние постепенно превращалось в армяно-азербайджанский вооруженный конфликт, активная фаза которого продлилась до мая 1994 г. и завершилась победой Армении. В этом контексте неслучайным было формирование нарратива о том, что независимость и суверенитет Армении неотделимы от независимого армянского Карабаха, а потеря последнего означает потерю первого.

После перемирия 1994 г. карабахский фактор в Армении оставался определяющим в процессах государственного и национального строительства, этот же фактор был главным в развитии Азербайджана. По сути, именно “карабахский конфликт формировал коллективное мировоззрение в двух новых нациях-государствах” [12, с. 356]. Фактически поражение в первой карабахской войне и потеря контроля над НКАО и прилегающими семью районами заставили Азербайджан развернуть системную политику интенсивного нациестроительства, в котором армянофобия и сакрализация территории Карабаха были основными факторами, позволявшими мобилизовать и интегрировать в рамках концепта “азербайджанства” разношерстное в этническом и конфессиональном смысле население в единую политическую нацию.

В 2021 г. в рамках реализации научного проекта по развитию гражданской идентичности на постсоветском пространстве были проведены глубинные экспертные интервью, в том числе касательно того, как карабахский фактор в целом и две карабахские войны в частности воздействовали на трансформацию идентичности в Армении. [13, с. 14] Все опрошенные эксперты однозначно подчеркивали огромное значение данного фактора вплоть до слияния в общественном сознании проблемы суверенитета Армении и существования независимого Карабаха: победа в первой войне позволила преодолеть модель нации-жертвы, пережившей геноцид. Карабахский фактор оказывал определяющее воздействие и на формирование политических элит. Но в то же время победа в войне, которая могла бы стать основой эффективной политики государственного и нациестроительства, привела к самоуспокоению и “самоуспоенности” элит, которые дискредитировали идею победы, “эксплуатируя” ее и легитимизируя все наличные проблемы карабахской проблемой. На второй план отошли приоритеты развития политических институтов и гражданского общества, гражданской социализации, утвердилось потребительское отношение к армянской диаспоре как донору и др.

Проведенные недавно социологические исследования еще раз подтвердили, что и на данный момент карабахский фактор воспринимается как определяющий для новейшего периода развития армянства. Так, наибольшее число респондентов (27.9%) на вопрос: “Кого из нашей истории Вы считаете самыми великими героями?” назвали “героя первой карабахской войны Монте Мелконяна” (и это при наличии многотысячелетней истории со славными героями), большинство (28.6%) при ответе на вопрос: “Что Вы считаете самой большой исторической победой в армянской истории?” выбрали “освобождение Карабаха в 1992–1994 гг.”; подавляющее большинство (74.4%) “самым большим историческим поражением в армянской истории” назвали “44-дневную войну 2020 г.” [14, сс. 43-51]

По мнению О.Л. Саркисяна, окончательная потеря Карабаха воспринимается в армянском обществе как потеря суверенитета и начало распада государства. В этом контексте очевидной становится основная причина глубокого кризиса идентичности в Армении после поражения во второй карабахской войне осенью 2020 г., углубившегося в конце сентября 2023 г. массовым исходом армянского населения из Карабаха. По сути мы имеем дело с началом построения новой модели армянской государственности с новыми нарративами.

Анна Петровна Романова подготовила свой доклад “Политика идентичности на постсоветском прикаспийском пространстве (по результатам социологических исследований)” по итогам второго года работы над проектом Российского научного фонда № 22-18-00301 “Процесс конструирования новых идентичностей в Каспийском макрорегионе в контексте социетальной безопасности” (о промежуточных результатах проекта см.: [15]). Исследование посвящено изучению политики конструирования новых национальных идентичностей в трех странах каспийского региона, возникших после распада СССР – Республике Казахстан, Туркменистане и Азербайджанской Республике. В основу анализа были положены проведенные в 2022–2023 гг. количественные и качественные социологические исследования в представленных странах, в том числе с выездом в Казахстан и Азербайджан. Командой исследователей были проанализированы результаты ключевых идентитарных стратегий: политики памяти, языковой и символической политик. Результаты исследования показали, что во всех трех странах основной точкой отсчета идентитарного процесса и ключевым политически значимым событием стало официальное объявление независимости. Наиболее значимой для граждан этих стран считают идентификацию себя как гражданина своей страны, второй по значимости на данный момент оказалась все еще идентификация себя как советского человека. Этнический, религиозный и политический факторы оказались гораздо менее значимыми. Политика памяти во всех трех странах развивается по аналогичным векторам – “удревнение” национальной истории, “колониальные исследования” и вектор “светлого будущего”. Однако влияние того или иного вектора политики памяти на граждан, прежде всего молодежь, в каждой стране имеет свои особенности. Так, “колониальные исследования” в Республике Казахстан и Азербайджанской Республике более осязаемо отражают прочтение прошлого как исторической травмы, в то время как в Туркменистане доминирует политика “светлого настоящего и будущего”. С древней историей лучше всего знакомы респонденты из Казахстана. Русский язык продолжает оставаться важным для респондентов из Туркменистана и Казахстана, однако быстро теряет актуальность для представителей Азербайджанской Республики и заменяется более практически значимыми для ее населения английским и турецким. При этом среди внешних векторов влияния на формирование идентичности в Казахстане и Туркменистане Россия по-прежнему занимает сегодня ведущее место. Однако в Азербайджане она теряет позиции, уступая другим соседям – Турции и Казахстану. Таким образом, выявлена национальная специфика политики идентичности в каждой из исследуемых стран.

Особое место в исследовании занял вопрос о перспективах построения общей каспийской идентичности, ее возможностях и ограничениях. На данный момент респонденты считают, что их объединяет общий водоем – Каспийское море – и общее советское прошлое. Остальные элементы – язык, культура, менталитет, бытовые привычки и традиции (кухня и др.) и даже приверженность исламу – не рассматриваются как важные интегрирующие факторы. Фактор общего советского прошлого может скоро потерять значение объединяющего: он работает в основном на возрастной контингент и размывается

по мере ухода советского поколения из активной социальной жизни, плавно перетекая в коллективную “имперскую” травму, для которой время может работать исключительно на усиление, поскольку не остается очевидцев советского времени. Для активизации интеграционных процессов должна возникнуть внешняя побуждающая ситуация.

Доклад “Государственная политика идентичности в России: дискурс власти и реакция граждан” **Софьи Константиновны Калашниковой** и **Марии Ярославовны Погодиной** был подготовлен при финансовой поддержке ЭИСИ в рамках научно-исследовательского проекта “Государственная политика идентичности в условиях новых геополитических вызовов”, выполненного в ИНИОН РАН.

Политические лидеры определяют курс и доминирующие символы политики идентичности как в рамках институциональной деятельности (например, инициирование и утверждение документов), так и в ходе публичных выступлений, обращений и интервью. В рамках традиционной персонализации политической сферы, характерной для политического сознания россиян, носителем и рупором идей для обычных горожан становятся политические лидеры.

На первом этапе исследования политического дискурса были выявлены типичные фрагменты дискурса, формирующие представления о политической идентичности россиян в 2013 и 2023 гг. (144 материала интернет-портала “РИА Новости”). Основным методом исследования стало тематическое моделирование с использованием Латентного размещения Дирихле (метод машинного обучения). Для отбора статей, отражающих дискурс власти, был использован поисковый запрос “идентичность + фамилия государственного деятеля”.

В 2013 г. дискуссия вокруг концепции национально-гражданской идентичности велась, в частности, в рамках дискуссионного клуба “Валдай”. Одной из основных тем стал “поиск новой российской идентичности”. Словосочетания “новая идентичность”, “новая российская идентичность” были выделены как ключевые в нескольких десятках статей. С одной стороны, подчеркивалась острая необходимость развития национальной идеи: “Россия нуждается в решении фундаментальных вопросов, которые смогут объединить большинство россиян”. С другой, акцентировалось внимание на отказе от копирования “чужой”, чаще всего западной, идентичности: “В народе явно растет спрос на отличающуюся от Запада европейскую идентичность”. В смысловых составляющих российской идентичности можно выделить следующие ценности. Во-первых, это предложенные российским президентом В.В. Путиным три основные базиса, на которых должна строиться российская идентичность: суверенитет, самостоятельность и целостность. Основой национальной идентичности должна стать российская история, а гражданской идентичности – ценности “патриотического сознания, гражданской ответственности и солидарности, уважения к закону и сопричастности к судьбе Родины”. Помимо этого, подчеркивается важность культуры, искусства, различных творческих проектов для укрепления “исторической, культурной идентичности”.

Анализ публикаций за 2023 г. показывает иную картину использования концепции идентичности. Четко выделяется тема украинской идентичности как построенной на ценностях нацизма. Отдельно представлена тема дружественных стран и союзов, основанных на общих традиционных ценностях (для африканских стран) или общности народа (для Белоруссии). По аналогии с 2013 г. подчеркивается антагонистичность ценностей россиян западным образцам. В этом контексте важное значение приобретает отдельно выявленная тема защиты российской идентичности и ее компонентов (истории России, традиционных ценностей). Для жителей РФ подчеркивается важность помощи, взаимовыручки, единения “в непростые времена”; для государственных деятелей – необходимость проведения мероприятий по укреплению гражданской идентичности [16].

Технологии тематического моделирования применялись и для анализа социальных сетей с целью оценки реакций пользователей на новостные посты, связанные с политической идентичности. В качестве источника данных были выбраны три сообщества “ВКонтакте”: РБК, ТАСС и РИА Новости. Был составлен список ключевых словосочетаний

для поиска публикаций, релевантных теме исследования, по проводимой государством образовательной политике, политике памяти, конструированию образа России и др. С помощью авторской компьютерной программы, созданной на языке *Python*, были извлечены и отфильтрованы комментарии пользователей под отобранными постами (4 522 комментария в период с марта по сентябрь 2023 г.).

Практически во всех темах можно отметить полярность мнений граждан по большинству вопросов, например, в рамках обсуждения новых школьных учебников. Некоторые темы характеризуются схожей реакцией у пользователей. Изображение Крымского моста на обложке новых учебников получило широкую поддержку в комментариях: оно ассоциируется у пользователей с наличием широкого круга возможностей у России и успешной реализацией этих возможностей. Примером консолидации мнений пользователей стала и тематика памятников. Большая часть постов с ключевым словом “памятник” относится к новостям о сносе советских памятников в странах Европы – пользователи объединяются в критике властей этих стран, обвиняют их жителей во враждебном отношении к российскому народу, его истории и памяти. Продолжая тему памяти, актуализируется проблема русской культуры и ее “отмены”. Подчеркивая значимость России в мировом порядке, подписчики часто используют аргумент “спасения” Советским Союзом Европы во Второй мировой войне; власти Украины и европейских стран обвиняются в “забывчивости”, об этом говорится с грустью и обидой. С другой стороны, пользователи приходят к выводу о том, насколько важно сохранять память о прошлом самим россиянам. Такой же нарратив прослеживается и в комментариях, посвященных Дню Победы.

Еще одна тема, где мнения пользователей сильно расходятся, – это школьные занятия “Разговоры о важном”. Почти все посты из этой группы посвящены встречам В.В. Путина со школьниками. У части пользователей чувствуется некоторая усталость от навязывания традиционных ценностей как устаревшей концепции. Есть четкий запрос на конкретные действия: “Носится с этими традиционными ценностями, как будто все остальные проблемы решены”; “...голодные, но с традиционными ценностями”. Несмотря на критику, значительная часть аудитории одобряет риторику президента: “Разговоры о важном” описываются как полезный проект для воспитания детей и молодежи [17].

В своем выступлении на тему “Колониальный дискурс и споры об империях прошлого и настоящего на постсоветском пространстве” и в ответах на вопросы **Ирина Львовна Прохоренко** остановилась на проблемах типологизации империй (и колоний) прошлого и настоящего в попытке осмыслить колониальный дискурс на пространстве Большой Евразии. Явное стремление распространить научные и общественно-политические дискурсы и нарративы постколониализма и неоколониализма на постсоветское и даже постсоциалистическое пространство можно считать одной из новейших дискурсивных практик в русле информационного противостояния и гибридной войны, что невозможно было представить себе два-три десятилетия назад.

С одной стороны, речь идет о том, чтобы уравнивать Советский Союз с европейскими державами, имевшими заморские колонии, а фактически – отождествить деколонизацию “Третьего мира” и десоветизацию “Второго”, хотя очевидно, что уникальный опыт территориального расширения и культурного обмена в Российской империи, а также идеологический фундамент модели управления, национальной политики и межбюджетных отношений в СССР не позволяют говорить о советских республиках как “угнетаемых колониях”.

С другой стороны, колониальный дискурс не направлен исключительно против России. Он стал инструментом дискурсивной силы в мировой политике и средством публичной дипломатии и внешнеполитической пропаганды в борьбе за региональный порядок в бывшем “Втором мире” и, в частности, на высококонкурентном постсоветском пространстве, где в ряду внерегиональных игроков присутствуют не только бывшие (прежде всего, Турция с ее амбициями неосманизма), но и так называемые новые империи

(Соединенные Штаты, Китай, Европейский союз).

Безусловно, свое значение имеют трудности и в целом незавершенность процессов демократического транзита, государственного и нациестроительства в ряде постсоветских (и постсоциалистических) стран, “замороженные” и “горячие” этнополитические и этнотерриториальные конфликты в Большой Евразии, а также политизация культуры и этничности и связанные с этим борьба, конфликты и кризисы различных идентичностей, традиционных и новых.

Для Российской Федерации политические риски неокOLONиального и постколониального дискурса очевидны и требуют продуманной, научно обоснованной реакции, которая должна лечь в основу отношений с бывшими советскими республиками на долгосрочную перспективу, двустороннего и многостороннего сотрудничества, развития интеграционных процессов в Большой Евразии с участием России.

Мария Александровна Шпак в докладе “Медиадискурс как фактор конструирования идентичностей в политическом пространстве Евросоюза” обратилась к опыту дискурсивных практик европартий в медиапространстве, с помощью которых в том числе формируется политическая (идейно-политическая) идентичность граждан ЕС.

Развитие технологий трансформирует пространство политической коммуникации. Медиатизация политики превращает СМИ не только в основной источник информации, но и в пространство социализации и политического участия граждан, формируя их идентичность.

Политическое пространство Европейского союза можно рассматривать как арену транснациональной многоуровневой политической коммуникации. В его медийном измерении формируются дискурсы и нарративы, субъектами которых становятся представители институтов Европейского союза, национальных и партийных элит, лидеры мнений. Научная проблема исследования данного феномена заключается в том, чтобы оценить потенциал их влияния на конструирование и трансформацию идентичностей граждан государств-членов.

Политическая идентичность индивида утверждается через соотнесение с референтным коллективным участником политического процесса. Возможности для этого предоставляет современная информационная среда, в частности, новые медиа. Механизмы обратной связи с политическими акторами и возможность членства в онлайн-сообществах (которые становятся для индивидов референтной группой) обеспечивают им деятельную вовлеченность в политико-коммуникативное взаимодействие. Цифровые интерактивные форматы коммуникации сокращают дистанцию между политиками и гражданами, превращая последних из потребителей информации в ее авторов и ретрансляторов.

С одной стороны, дискурсы политических субъектов в медиапространстве влияют на формирование и закрепление национальной, субнациональной, партийно-политической идентичностей. Они конструируются “сверху” представителями институтов, партиями и движениями. С другой стороны, новые медиа создают механизмы конструирования политической идентичности и вовлечения в различные дискурсы “снизу”, от граждан к политическим субъектам. Становится возможной политическая социализация индивидов в онлайн-формате, самоидентификация через сетевые сообщества как пространства общих политических ценностей и ориентиров.

Потенциал влияния на конструирование идентичностей через дискурсивные практики можно рассмотреть на примере европейских политических партий. Новые медиа позволяют в режиме реального времени информировать многотысячное сообщество подписчиков о деятельности партии и получать от них обратную связь.

Европейские партии присутствуют на всех наиболее популярных цифровых платформах и в соцсетях. Сравнительный анализ аудитории их аккаунтов позволяет сделать

ряд выводов. Во-первых, платформы микроблогов, где основным средством коммуникации выступает текст, более популярны у европейцев, чем аудиовизуальные ресурсы. Во-вторых, для индивидов членство в онлайн-сообществах – один из неформальных способов идентифицировать себя с группой и ее ценностями. При этом принадлежность к сообществу важнее, чем участие в его деятельности: число подписчиков многократно превышает число реакций на публикуемые сообщения.

Активность в социальных медиа позволяет партиям напрямую взаимодействовать с аудиторией, рекрутировать новых сторонников, формировать собственные дискурсы. При этом партии не зависят от эфирного времени, сроков электоральных кампаний или границ государств. Цифровое медиапространство создает условия для фактически непрерывной трансграничной политической агитации, более последовательного и эффективного формирования идентичностей.

Идентичности в пространстве ЕС имеют комплексный многоуровневый характер. Они не формируются исключительно “снизу”, путем самоорганизации сообществ и конструирования их идентичностей, и не навязываются политическими лидерами и институтами. Идентичности конструируются как результат дискурсивных практик, постоянно изменяясь и трансформируясь. Оценить прямое влияние коммуникации в цифровом пространстве на политические процессы трудно (активность политических субъектов в социальных медиа не конвертируется непосредственно в электоральный успех). Но потенциал воздействия такой коммуникации на общественные настроения и ее роль в конструировании идентичностей невозможно отрицать.

Александр Константинович Камкин в своем выступлении “Трансформация политической идентичности у европейских правых: от статической к динамической идентичности?” сфокусировался на трансформации политической идентичности в странах Европы в последние два десятилетия. В условиях глубокого системного кризиса старых “народных партий” меняется традиционная для многих стран Европы партийная система: и правые, и левые по ряду ключевых вопросов политической повестки (социальная справедливость, экономический суверенитет, неприятие американского гегемонизма) выступают со схожих позиций. Все более популярными становятся партии нового типа, которые активно приспосабливаются к меняющимся предпочтениям избирателей либо активно эксплуатируют особо болезненные вопросы. Это свойственно не только популистам как левого, так и правого толка, но и традиционным партиям ультраправого спектра. Будучи ограниченными в сфере публичной политики (непредставленность в парламентах, сильное противодействие гражданского общества, СМИ и правоохранителей), они вынуждены “вести борьбу за улицу”, активно реагируя на любые изменения общественных настроений. Идентичность этих партий меняется наряду с их идеологией и программными составляющими – ее можно характеризовать как динамическую. Изначально термин “динамическая идентичность” использовался в сфере маркетинга: под “динамической корпоративной идентичностью” понимается система, в которой применяются новейшие технологии для создания гибкого логотипа, в результате чего логотип может постоянно менять цвет, рисунок или форму [18]. Аналогичным образом политические партии постепенно сами становятся поставщиками политических “услуг”, отходя от прежней роли защитниц интересов определенных широких социальных групп. Более того, многие партии пытаются создать свою политическую “экосистему”. Национал-демократическая партия Германии (НДПГ), с июня 2023 г. именуемая “Родина” (*Die Heimat*), позиционирует себя как мировоззренческое сообщество, которое использует инструменты политического маркетинга для создания не только определенных идеологических установок, но и культурных нарративов. Партия продвигает нарратив протогерманской культуры и религии, используя в том числе инструменты рынка идентичности [19, с. 406].

Этому процессу способствует также общий кризис идеологии классических европейских националистов. Прежние образы врага не работают (например, антисемитизм давно перестал быть основной темой мейнстримных европейских правых, их представители неоднократно выражали солидарность с Израилем, в то же время антиамериканизм и антиглобализм объединяют многих левых и правых). Старые

электоральные поля размываются, партиям приходится менять риторику и лозунги для привлечения новых членов.

Эти тенденции подтверждают тезис о растущей динамичности и “текучести” политической идентичности европейских правых, которые пытаются трансформироваться в партии нового типа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Fukuyama F. *Identity: The Demand for Dignity and the Politics of Resentment*. New York, Farrar, Straus and Giroux, 2018. 183 p.
2. Семенов И.С., отв. ред. *Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание*. Москва, Весь мир, 2017. 992 с. [Semenenko I.S., ed. *Identity: The Individual, Society and Politics. An Encyclopedia*. Moscow, Ves Mir, 2017, 992 p. (In Russ.)]
3. Семенов И.С., отв. ред. *Идентичность: личность, общество, политика. Новые контуры исследовательского поля*. Москва, Весь мир, 2023. 512 с. [Semenenko I.S., ed. *Identity: The Individual, Society, and Politics. New Outlines of the Research Field*. Moscow, Ves' Mir, 2023. 512 p. (In Russ.)]
4. Семенов И.С., Лапкин В.В., Пантин В.И. Социальные размежевания и политические противостояния в научном дискурсе: критерии оценки и классификации. *Полис. Политические исследования*, 2021, № 5 сс. 56-77. [Semenenko I.S., Lapkin V.V., Pantin V.I. Social Cleavages and Political Divides in a Theoretical Perspective: Criteria for Assessment and Classification. *Polis. Political Studies*, 2021, no. 5, pp. 56-77. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.05.05>
5. Hobsbawm E., Ranger T., eds. *The Invention of Tradition*. Cambridge, Cambridge University Press, 1983. 320 p.
6. Попков Ю.В., Тюгашев Е.А. *Этнокультурный неотрадиционализм и идентичность в современных социокультурных трансформациях: монография*. Новосибирск, Издательство НГТУ, 2020. 256 с. [Popkov Yu.V., Tyugashev E.A. *Ethnocultural Neotraditionalism and Identity in Contemporary Sociocultural Transformations: Monography*. Novosibirsk, NSTU Publisher, 2020. 256 p. (In Russ.)]
7. Фадеева Л.А. Секьюритизация политики идентичности как аналитический инструментарий. *Вестник Пермского университета. Политология*, 2023, т. 17, № 2, сс. 101-111. [Fadееva L.A. Identity Policy Securitization as an Analytical Toolkit. *Perm University Herald. Political Science*, 2023, vol. 17, no. 2, pp. 101-111. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17072/2218-1067-2023-2-101-111>
8. Curanović A., Szymański P. Mission Saves Us All: Great Russia and Global Britain Dealing with Ontological Insecurity. *International Relations*, 01.12.2022. <https://doi.org/10.1177/00471178221140093>
9. Krolkowski A. State Personhood in Ontological Security Theories of International Relations and Chinese Nationalism: A Sceptical View. *The Chinese Journal of International Politics*, 2008, vol. 2, iss. 2, pp. 109-133. <https://doi.org/10.1093/cjip/pon003>
10. Aggestam L. Role Identity and the Europeanisation of Foreign Policy: A Political-Cultural Approach. Tonra B., Christiansen Th., eds. *Rethinking European Union Foreign Policy*. Manchester, Manchester University Press, 2004, pp. 81-98.
11. Семенов И.С. Традиция и инновация как концепты политической науки и ориентиры политики развития: диалектика совместимости. *Полис. Политические исследования*, 2023, № 5, сс. 45-65. [Semenenko I.S. Tradition and Innovation in Politics and in Development Policies: Dialectics of Compatibility. *Polis. Political Studies*, 2023, no. 5, pp. 45-65. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17976/jpps/2023.05.04>
12. De Waal Th. *Black Garden: Armenia and Azerbaijan Through Peace and War*. New York, London, New York University Press, 2003. 337 p.
13. Саркисян О.Л., Оганесян Т.А., Дунамалян Н.А., Карамян И.А. Гражданская идентичность в Армении (обзор глубинного экспертного интервью). *Вестник РАУ (серия: гуманитарные и общественные науки)*, 2021, № 2 (38), сс. 7-18. [Sarkisyan H.L., Oganesyanyan T.A., Dunamalyan N.A., Karamyan I.A. Civic Identity in Armenia (Overview of In-Depth Expert Survey). *Vestnik RAU (Humanities and Social Sciences Series)*, 2021, no. 2 (38), pp. 7-18. (In Russ.)] Available at: <https://science.rau.am/uploads/documents/1644775252.pdf> (accessed 04.12.2023). https://doi.org/10.48200/1829-0450_2021_2_7
14. Погосян Г.А. *Историческая память и национальная идентичность*. Ереван, Издательство РАУ, 2023. 134 с. [Pogosyan G.A. *Historic Memory and National Identity*. Yerevan, RAU Publ. House, 2023. 134 p. (In Russ.)]
15. Романова А., Морозова Е. Конструирование новых идентичностей в современном Казахстане: тенденции и ориентиры. *Мировая экономика и международные отношения*, 2023, т. 67, № 7, сс. 85-102. [Romanova A., Morozova E. Construction of New Identities in Modern Kazakhstan: Trends and Reference Points. *World Economy and International Relations*, 2023, vol. 67, no. 7, pp. 85-102. (In Russ.)] <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2023-67-7-85-102>
16. Калашникова С.К., Погодина М.Я. Концепция политической идентичности: сравнительный анализ дискурса российской власти в 2013 и 2023 годах. Гаман-Голутвина О.В., Мчедлова М.М., Тимофеева Л.Н., ред. *Политическая наука в меняющемся мире: новые практики и теоретический поиск: материалы Всероссийской конференции РАПН*. Москва, РУДН, 2023, сс. 245-246. [Kalashnikova S.K., Pogodina V.Ya. Concept of Political Identity: Comparative Analysis of the Russian Authorities Discourse in 2013 and 2023. Gaman-Goluvtina O.V., Mchedlova M.M., Timofeeva L.N., eds. *Political Science in a Changing World: New Practices and Theoretical Research: Materials of the All-Russian RAPN Conference*. Moscow, RUDN University Publ., 2023, pp. 245-246. (In Russ.)]

17. Калашникова С.К., Погодина М.Я. Технологии тематического моделирования для изучения реакции граждан на проводимую государственную политику идентичности в России. Попова О.П., ред. *Политические институты в XXI веке: коллапс или перезагрузка: сборник материалов по итогам Всероссийской научной конференции*. Санкт-Петербург, Скифия-принт, 2023 (в печати). [Kalashnikova S.K., Pogodina V.Ya. Thematic Modeling Techniques for Studying Citizens' Reactions to the State Identity Policy in Russia. Popova O.P., ed. *Political Institutes in the XXI Century: Collapse or Restart: Collection of Materials on the Results of the All-Russian Scientific Conference*. Saint Petersburg, Skifiya-print, 2023 (in print) (In Russ.)]
18. Siswanto R.A., Dolah J. The Paradox of Dynamic Corporate Identity. 6th *Bandung Creative Movement 2019*. Bandung, Telkom University, 2019, pp. 30-33. Available at: <https://media.neliti.com/media/publications/293195-the-paradox-of-dynamic-corporate-identit-ac003995.pdf> (accessed 20.11.2023).
19. Камкин А.К. Рынок идентичностей. Семененко И.С., отв. ред. *Идентичность: личность, общество, политика. Новые контуры исследовательского поля*. Москва, Весь мир, 2023, сс. 406-413. [Kamkin A. Market of Identities. Semenenko I.S., ed. *Identity: The Individual, Society, and Politics. New Outlines of the Research Field*. Moscow, Ves Mir, 2023, pp. 406-413. (In Russ.)]